

К 80-летию Вячеслава Богданова (1937-1975)

Своим творчеством Вячеслав Богданов предстает перед нами – собранным человеком, цельным и духовно со- держательным, а как поэт – с без- условной ода- ренностью и ред- кой нравствен- ностью, что и ре- шает, в общем- то, судьбу худо- жника: талант и воля к честности, к совестливости

Валентин СОРОКИН

и труду, положенному на порог отчий избы, земли русской.
*Улеглась в гостилице гульба,
Жёлтый мрак качался в коридоре.
Как могла ты, подлая труба,
Удержат такое наше горе!
Не вино сдвинуло вдруг виски,
Не метель, что выла, словно сука, –
Это пальцы подлостей людских
Прямо к горлу подступили туги.
Спал подлее, написавши в кабаке,
Над поэтом зло набалагурясь...*

Жестоко поэт говорит о той среде, где погибала золотая голова Сергея Есенина, говорит, выражая боль, крик, любовь к великому Есенину, чувствуя и на своей дорожке литературной тот же неизбежный дым нищеты и государственной дурной несущности, изматывающей родной наш народ и его лучших, наиболее откровенных сынов, поэтов, распахнутых всем отравным ветрам лукавого и противочеловечного време- ни... Доверчивость – гибель и приви- легия поэта.

Не водка, я уже много раз утвер- ждал, уносит русских поэтов, нет, – их уносит оскорбленное достоинство, их уносит исправье и бедность поколе- ний, мнутых сменяющимися мерзав- цами в пепел конфликтов, разрух и войн... Взрывники покоя.

Ни одному поколению русских людей не дали нормально прожить век свой: то революционные расстрелы, то вар- варские раскулачивания, то колымские лагеря, и всё это – за свободу и сча- стье трудящихся... А сегодня – ещё бе- надежнее и ещё подлее: ты русский – ты уже виноват!..

Вячеслав Богданов был очень рус- ским человеком и бесподобным по- этом русским был. Его, не сомневаясь, надо ставить в тот золотой круг русских поэтов, кто рано и трагически распро- цался с жизнью: в круг Дмитрия Блынского и Николая Анциферова, Анатолия Передерева и Николая Рубцова.

С Тамбовщины, сельский паренек, явился он в 1953 году на Челябинский металлургический завод, где сформирова- лся его взгляд на призвание, где Вячеслав стал знаменитым поэтом на Урале, а в 1975 году погиб в Москве.

*Рыжий берег травкою окутан,
Здесь ничьи не остались следы.
Я не знаю, он взялся откуда,
Этот камень у чёрной воды.*

Мы не можем и не сможем никогда указать пальцем – через какой чёрный камень "запнулся" и не перешагнула краткая стезя поэта; камень чёрных на пути не только русского поэта, но и русского народа – много, потому по- благодарим Вячеслава Богданова за сотворённое: оно прекрасно, искренне, оно – живое существо, то цветком расце- вет в душе у нас, то слезою матери русской очи нам освежит... Вячеслав Богданов, друг мой первый, если бы он чуток пожил, пожил бы ещё чуток – ведь лишь приготовился, лишь в пол- ный рост поэта распрямился!..

Но он возвращается к нам – светлый, русский, добрый и неповторимый, как его отчий край, как его Россия, родина наша, зовущая и лебедина.

Москва, столица России, Москва, в сердце взятая нами с нашего наивного детства, Москва, народом нашим за- щипленная от бесконечных нашествий, Москва – город поэтов русских, Москва – главная, бессмертная, опасная Москва!..

Вячеслав Богданов не лез в группы и группы, не вился и не тёрся около и возле "литературных бригадиров", на- значающих – кого в знаменитости, кого в посредственности, кого в озлоблен- ные неудачники. Вячеслав понимал се- бя без этих "цедешловских гаишников", знал собственные возможности, знал собственное, им заслуженное место в поколении шестидесятников.

*Камыш и тот,
заслушавшись, притих,
Звала меня таинственная сила.
А песня лучше, лучше каждый миг,
Как молодость, всё дальше уходит.*

Приглаждая, задаумывая, читатель, умный и благородный, – кто же "выда- ёт" нам таланты на авторитет", кто?... Окопелитературные звери и зверюшки, вкушю и наследственно питающиеся нашей русской кровью, а иногда – да- же распоряжающиеся нашей русской судьбою.

Вот я произношу: "наш поэт", "наш народ", "наша земля", "наша Россия", а сам горюнось: доказываю карлика-м суть большого, оправдываю перед ним, друга дорогого беребегу, заде- вая их, трогательных, заловых, кухон- ных, дворянских, книжных, пыльных, и лжепророчных, лжевесомых, скребу-

К 80-летию Александра Вампилова (19.08.1937 – 17.08.1972)

Декабрь шестидесяти четвертого года Алек- сандр провёл за письменным столом в необыч- ном для себя месте и не один. Его напарник, прозаик Вячеслав Шугаев, оставил воспомина- ния об этом.

"В первые январские дни 1965 года мы с Александром Вампиловым собирались в Моск- ву. Сборы эти вершили долгое сидение в захо- лустном доме отдыха "Мальта", расположен- ном под боком Усолья-Сибирского, в старом сосновом бору..."

Мы сидели в тесных холодных комнатах, уку- тав ноги байковыми одеялами, из всех сид старались закончить к Новому году свою ра- боту: Вампилов писал комедию "Нравочешие с гитарой", известную теперь под названием "Старший сын", я – повесть "Бегу и возвраща- юсь".

Тайно, подспудно, не выговариваясь, подго- няло нас простенькое рассуждение: если справ- ится с теперешним уроком, то Москва обяза-

чихся над головами русскими по-тара- каньи, – "интеллектуальные бомжи", требующие к себе обожания...

Не растаскивать нас по "направлени- ям" и по "школам", по областям и райо- нам, а собирать надо: мы – русские люди, мы – поэты русские, мы – выст- радали заботу и нежность к себе бес- сонницей раздумий и укорительной болью утрат. Выстрадали и удивились – слишком одиноко и слишком безза- щитно русскому человеку и поэту рус- скому в просторах родимых!

Традиционен ли в своём творчестве поэт Вячеслав Богданов? Безусловно. Прост и понятен ли? Безусловно. Но понятность и простота – вещи слож-

ные: достигать их, качеств этих, нелег- ко, кроме упорства и желания дости- нуть необходимых ещё и культуру мыслить и культура выражать мысли в той форме и на том уровне мастерст- ва, когда стихотворение или поэма приобретают слитность внешней и внутренней – красоту воздействия на чувство, на любознательность, на тягу человека к искусству.

Природа в стихах и поэмах Вячесла- ва Богданова нова, приветлива и зна- кома тебе – твоя и незаменимая: ты ощущаёшь её, дышал ею, вырастал сре- ди неё, сопровождаемый её мудростью и щедростью, её переменимостью и её постоянством.

Из любви поэта к природе, к жизни, к близким выходят образы и характеры. В его поэмах – мать, русская страдали- ца, о, как похожа она на мою мать; да и отец, да и сестры поэта – не твои ли, читатель, не сам ли ты в них?..

Можно и придаться: поэт воспева- ет настойчиво труд, поле, завод, а се- годня мода на бизнесмена и преуспева- ющего банкира. Но что банальнее – десятивёрстные фильмы о любви и разводах "цивилизованных" европей- цев или – скорбящая ива над забро- шенною ручью? Что банальнее – новый автомобиль или заржавелый, кровью отцов и братьев политый обел- ск на древнем русском холме, что, спрашиваю, банальнее, что?!

*Что за сны мне снятся, что за сны!
Это думы предков-россиян...*

Думы Некрасова и Блока, Есенина и Василия Фёдоров в слове поэта всплы- вают едва-едва уловимо: мы, рус- ские поэты, – сами по себе, но в каж- дом из нас горит звезда родного неба, высоко горит и свободно – помните!..

Когда-то Василий Дмитриевич Фёдо- ров высказал своё наблюдение над жизнью и над поэтами, идущими в ли- тературу из жизни, а не из палиного пи- сательского кабинета, высказал на за- седании секретариата Союза писате- лей РСФСР, опираясь на стихи и на судьбу Вячеслава Богданова:

"Поэтам, приобретающим знания и творческий опыт, конечно, сначала тяжело и ненадёжно, они отрываются от непосредственной своей работы, а впереди – сомнения и борьба за при- звание, но эти поэты, укрепленные ат- мосферой цеха, осозанным духом от- ветственности, гражданской, быстро осваивают уроки классики, уроки науки и вдохновения и творят, как правило, серьёзно, достойно и с пользой для отечественной культуры".

Я вовсе не считаю, что в искусство должны являться люди только с боро- ды и с фабрики – смешно. Но подлин- ное искусство, подлинно народная ли- тература непременно должна иметь в рядах своих представителей разных социальных слоев, одинаково безза- ветно выражающих долг свой и вер- ность свою перед народом, лишь каж- дый – сверкая словом своим и разу- мом своим, независимо и непохоже служа поэзии – ярче сказки и спожнее судьбы твоей.

Призвание – Алексей Кольцов, Иван Никитин. Призвание – Борис Ручьёв, десять лет безвинно кайливший мерз- лоты Колымы. Призвание – великий Есенин, не склонивший золотой голо- вы перед палачами народа русского!..

Потому и неодолим русский смысл, огненный смысл в стихах Вячеслава Богданова:

*Родная Русь! Костер мой голубой!
Веди меня дороною стоптепий!
Какой, скажи, таинственной звездой
Ты зажжена для нас на этом свете?*

Тайна и свет – любовь к Родине. Тай- на и свет – верность слову русскому.

Я работал в мартене Челябинского металлургического завода, а Вячеслав – в коксохимическом цехе. Бывало, прибежит в мартен в перерыв, чёрный-чёрный, даже кончик носа и тот чёр- ный. "Славка, ты чего такой чёрный, увольняйся, пропадёшь!.." – "А ты, Польш Робсон, светлее?.."

Такая у нас рабочая стезя. Но мы не жаловались. Вячеслав и я, крестьян- ские ребята, мы не забывали свои края: я – Урал, а Вячеслав – Тамбов- скую землю. Чувство природы, тоска по траве и лесу, по туману и облакам – главный зов души, ведь куда мы ни ступим – железо и железо, грохот и грохот, дым и копоть, дым и копоть, железное и раскалённое. Железо – да- же над скромными холмиками метал- лургов. Железо и совесть. Железо и ветер озёрный, железо и дождь, ми- лый, радостный, конопатный!..

Мы – это мы. И недаром Вячеслав гово- рит:

*Среди лугов река уходит криво.
Листает волны ветер-сухойей.
Плыву к реке и сяду у обрыва,
На краешке у памяти своей.
По-над водой осыла дремлет остро,
И ласточки пронхивают снуют,
И окуни мелькают, словно версты,
И полосатой думою встают...*

Дума полосатая. Жизнь полосатая. Страна полосатая. Судьба русская – полосатая. Раскрашенная бунтами, казнями, оккупациями, победами, пе- реворотами – в белый и чёрный, голу- бой и красный цвета: полосы, борозды, тракты, трассы поколений, нежных и отважных, запечатлённых в слове по- этами их, огненными соловьями рус- скими!..

А какая красивая любовь в стихах и поэмах Вячеслава Богданова! Преду- предительная, заблывшая, сдержан- но-нежная, глубокая и терпеливая:
*Я живу на озёрном Урале,
Ты живёшь на великой реке,
От моей полуночной печали
Почернело колыло на руке.*

Ну кто ему не поверит? Мужская тос- ка – не изображение тоски на опосты- левшей микрофонной сцене. Настоя- щая, скифская, перводронная, как стон тополиный, тоска влюблённого и силь- ного духом и статью человека! Разве умная девушка разлюбит такого?

А вот – сомнение. Вот – мучение. Вот – горькая минута влюблённого, отда- лённого временем и расстояниями от любимой:

*В каком окне
ты зажигаешь счастье,
На чьих руках возвысила судьбу?
А может, там случился всё иначе?
Припомню ты разлуку по весне,
В каком окне, меня увидев, плачешь!
И в чьих руках тоскуешь обо мне!..*

*И было это в давнем, давнем марте.
Которого не будет никогда...*

Вячеслав Богданов – настоящий по- эт. А настоящий поэт – гневный, но доб- рый, внезапный, но мудрый, трудный, но прекрасный!

Господи, ну обереги его слово на пу- тях грозных!.. Обереги и дай простора ему.

Место поэта – в родном краю, в исто- рии и культуре родного края, там, где он произнёс первое слово, там, где впервые посетило его молитвенное вдохновение откровения; утверждаю – стихи и есть продолжение молитвы, но не в храме и не перед иконой светлого домашнего угла, а в грубой сутолойной жилищности...

Среди родного народа – место поэта, а красное оно, почётное оно или же обычное, – какая разница? Ты на за- быт, и слово твоё влилось в родную реку народной речи. Но издать книгу сейчас – легче туннель прорыть под проспектом. В России, богатейшей не- драми и лесами, никогда ещё не от- швыривали поэтов с такой дерзостью и неприязнью. А если не нужны в стра- не поэты – воры и барыги не упустят момента увести молодёжь от литера- турного прилавка к рыночному, жулико- ватому и похабному...

*Я убил. И смолкли соловьи.
Стёр мой конь о синеву подковы...
И над зумком полем Куликовым
Солнце встало на людской крови.
Я убил – и смолкли соловьи.
Вот сижу я в хате у окна:
Посинела в чузунке картошка...
Царь на тройке*

*мчитесь за окошком...
Зреет дума, как чуеун черна...*

Ничего себе!.. И цари виноваты?.. А мы-то: от царей – к ленинцам, от ленин- цев – к царям?.. Поэты "подземно" воспринимают людей и жизнь, как буд- то из шахты грозной смотрят... Потеря поэта в народе, в краю – потеря чего-то своего, из судьбы своей человеческой.

А я друга потерял, самого первого, самого дорогого. Страдаю:

*То снег, то дождь, то ветер,
То иней ляжет вдруг.
Я жил и не заметил,
Куда ушёл ты, друг.
Невидимый и скромный,
Внезапно в ранний час
Оставил мир огромный
И в нём – упрямых нас.
Не проводил я, каюсь,
И ероде на свою
Я молча натыкаюсь
На эту смерть твою.
И думаю: по лему,
Ну в будущем году,
Конечно же, приеду
К тебе или приду.*

*И никого не надо,
Лишь ты да отчий край...
Узнавший цену ада
Не поспешает в рай.
Пусть ты лежишь глубоко.
Но ты поймёшь всегда, –
Зачем так одиноко
В ночи горит звезда.*

Давно пора означить память о рус- ском поэте Вячеславе Богданове на степной Тамбовщине и в озёрном уральском краю: слово поэта – энергия и надежда наша в пути.

Память о поколениях, о делах и стра- даниях их, песни и слёзы, родная кровь поколений, унесённая временем впереди нас, – да ведь это и есть горь- ка золотая струна русской жизни. Она звенит в нашем сердце – и мы не оди- ноки, она разговаривает с тобою – и ты виден на тропе судьбы!..

(Подборка стихов
Вячеслава Богданова – на стр.7)

К 90-летию Юрия Казакова

Отставим на время обрядовое акаде- мическое бормотание о "лирическом герое". Пусть оно ещё какое-то время тешит консяозычие школьного лира- туроведения. Мы-то знаем, что, о чём бы поэт ни говорил, он всегда говорит о себе. Но именно в самые-то напря- жённые моменты своего говорения – проговаривается об общем. Так все- гда в лирике. Так – в "Долгих криках" Юрия Казакова.

Потому "Долгие крики" – рассказ центральный, на мой взгляд, итого- вый, в прозе, а может даже и в жизни Юрия Казакова. Рассказ-притча, в ко- тором, как в некоем фокусе, собраны короткие, нервные, нежные лучи его прозы...

Прошло время. Со дня смерти Юрия Казакова – тридцать пять лет. И каких! Сравнимых, быть может, с веками

Долгие крики на берегу...

мерной неторопливой жизни древних. Время будто бы изо всех сил старает- ся оправдать пророчества первых хри- стиан – оно умалется на глазах, сжи- мается, закручивается в спираль, сужается и свивается в воронку, в ко- торой уже крутятся наши души – всё быстрее и быстрее. И Бог весть, что там, за горловиной, ждёт нас, куда нас выбросит?.. Такое время – более чем срок.

Мы видели, как стремительно возни- кали и полипали многие имена. И в ли- тературе – тоже. Точно призраки в бе- лых одеждах прошли перед нами дети Арбата, волоча за собой кремлевских жен и прочих изгоев русской словесно- сти; рассекая со свистом воздух, как булгаковский боров, плюхнулась где- то на середине Амударьи напущем- шая "Плаха". И много, много всего. Много карнаванного, шутовского...

Казаков остался. И не потому, что он из тех, о ком можно сказать: "его вре- мя пришло", а потому, что нельзя ска- зать о нём – его время ушло. Оно ос- тановилось ещё при жизни: на границе белого безмолвия, "на границе снега и таянья".

До этого можно "дописаться", но можно и "дожить". Казаков именно "дожил". Меньше всего его прозу можно назвать "дописанной", "литера- турой". Слишком видно как она сдела- на, со всей её комсомольской скорого- воркой подчас, со всеми полурефлек- тивными описами перекрученная како- го-нибудь провинциального филфака, и, главное – с бесконечными вопроса- ми, вопросами... Так – до хруста шей- ных позвонков обращённое к звездам, постоянное вопрошание. А ещё – жизнь, хромающая, как всякое её оп- ределение, бессюжетная, редко-редко всплывающая до вопроса, и никогда – до ответа... Текущая...

Наверное, это и есть "лирическая проза". И главное в ней – она сама. То, чего нам всегда будет не хватать у другого великого современника Каза- кова – Шукшина: этого долгого-долгого крика на берегу последнего озера, этой глупой надежды, что кто-то обя- зательно приплывёт с той стороны, из-за горизонта...

Докричаться... Кто-то сказал, что ти- шина – это душа пространства. Наше северное белое безмолвие, в таком случае – воплощённый крик этого про- странства. Что ещё и остаётся душе как ни кричать? De profundis... Но это и древнее христианства.

"Из бездны воззвал я к Тебе, Господи" – это не только псаломщик Дави- д, это уже и Платон, и Пифагор; от имени всякой вещи, раздвоенной "беспредельным" – Анаксимандр. Ещё – Орфей и орфики. Другие...

"Беспредельное", бесконечные про- странства, сама Природа с большой буквы – в громоздком, подавляющем смысле, характерном для романтиков XIX века, – откуда это у Казакова? "Каникулы я проводил на арбатских дворах, природы и в глаза не видал и не думал о ней... Тем удивительнее те- перь кажется мне величайшая страсть, которая овладела вдруг мною в тём- ной, холодной и голодной Москве".

Хотеть можно только то, чего у тебя ещё нет. Тем более – чего уже нет. Природы у Казакова уже не было – была "тёмная, холодная Москва", ар- батские дворики...

Его всю жизнь тянуло на Север, к нетронутому... Скорее даже это было не стремление к, а бегство от – будто "мы бежим от чего-то..."

Бегство от суетливой, шумной жизни городов – но какое?! Так прикуривший бомбардировщик врежется в веч- ность; так, только нежнее и страшнее, холодным майским вечером летели над лесом утки "и опускались куда-то на невидимые озера" – будто прова- ливались! В безмолвие.

"...Страшно! В бурю, в пургу страш- но, а когда тихо, ещё того хуже. Снег белеет, а ты один в тундре!" (курсив мой). – А.Ш.).

Тишина... Символ тишины – снег. Тишина и снег и одиночество слива- ются в одно:

"Страшным призраком встаёт оно передо мною, возвещая конец всему существующему, наполняя мою душу чувством смерти".

Это – безмолвие:

"Я его слышу, и вижу, и чувствую... я не могу больше выносить этого... я сбегая со скалы, я начинаю ходить, сильно стуча сапогами, заставляя скрипеть снег, чтобы прогнать этот призрак смерти..."

Природа. Смерть. Безмолвие... Дантов Ад вопил на все голоса – и уже в этом его недостоверность, "ли- тературность". "Надмирная вата" – вот подлинный ад "глухонемой Вселен- ной" для обретающего речь духа! Без- молвие – вот призрак, преследовав- ший Казакова всю жизнь, его неот- ступный ад – всю жизнь страшивший... и манивший.

Казаков, как известно, был заика. Заикание его было страшным. Слиш- ком хорошо, гораздо лучше нас, здо- ровых, знал он безмолвие. Боялся его. И летел на его голос. В то абсолют- ное, подавляющее Безмолвие север- ной природы, беспредельной тундры, когда уже не думается, не воспомина-

из Дантова ада; и это нежное, утрен- нее озеро, конечно – не промерзший до дна Коцит, но – "почему-то о зиме, о снеге мне подумалось..."

И озеро вдруг – представилось за- мерзшее, ледяное, как воплощённое Белое Безмолвие.

С этим нельзя справиться, с этим можно только бороться. Ад не знает глаголов совершенного вида, только – несовершенный: там можно гореть, но нельзя сгореть до конца, можно кри- чать, но никогда не докричаться; где всё – только одно незавершённое действие, протян- нутое в бесконеч- ность...

Так и жизнь Юрия Казакова, вся – вызов глухонемой вселен- ной, борьба с ле- дяным безмол-

Алексей ШОРОХОВ

ется, а только – "грезится...", и опять, опять "возникает некто за моим plec- ом, в глумом свете северного лета", и шепчет, шепчет:

"Небеса и земля погружены в веч- ный покой. Нигде ни одного призрака жизни, ни одного воспоминания о ней... Холодные безжизненные звезды

ничего не говорят сердцу... Ум ни над чем не работает... Глаза устают сме- реть..."

И возникает призрак Смерти, Без- молвия, Одиночества.

Смерть у Казакова – без-лична, без- человекна. Сродни безмолвию и пу- стоте. Так, во вставной новелле, входя- щей в рассказ, умирающие от голода дети, которым едва достаёт сил до- ползти до берега, ждут возвращения отца в лодке – и вот возникает на го- ризонте чёрный карбас: час проходит, другой "и вдруг видим мы, что карбас пустой плывёт. Течение его тянет вдоль берега. И близко так карбас этот от нас прошёл, метрах в тридца- ти, страшный такой, пустой... Карбас плывёт, а перед глазами у меня всё зыблется, зыблется..."

Это смерть проплыва ядом. В тот раз – мимо...

Лодка, ладья – символ смерти. Сла- вяне снаряжали ладью всем необходи- мым для иного мира, и сжигали в ней своих мертвецов. Или пускали вниз по течению. Плывёт такая ладья по реке, страшная, пустая, и вдруг – исчезает из глаз... и продолжает путь свой уже в другом мире, по другой реке...

Казаков поэт не той нежности. Не той интонации, которая характерна концу XX века. Слишком дребезжа- щим показался бы ему голос жестяной музы наших дней. Нежность побежда- ет с возрастом... Даже в возвращении к себе, в свою юность "мне нужны бы- ли люди... чтобы кто-нибудь ехал со мной всё дальше, дальше, чтобы я мог показать ему всё, от чего у меня ныло сердце когда-то..." – Какая го- речь в этой интонации! Показать непо- казуемое, заведомо недоступное ко- му-нибудь другому – "от чего у меня ныло сердце когда-то..."

Проза Казакова, и без того удиви- тельно музыкальная, движимая не сю- жетом, а интонацией, здесь, будто бы налетев на стену, прорывається стиха- ми, рвёт повествование даже не со- звучьями – рифмами: "смеялись люди за стеной, /и я глядел на эту стену, /с душой, как с девочкой больной, /в ру- ках, пустых постепенно..."

И всё-таки "нужны были люди" – хо- тя бы как стена, об которую ударялся бы звук собственного голоса, – чтобы показать, рассказать "от чего ныло сердце когда-то..."

Стена – это уже резонатор. Пусть бесчувственный и равнодушный. Всё лучше безначаль- ной и бесконечной тишины тундры, когда "ни шума, ни голоса".

Блок писал в дневнике, что люди ищут страдания, даже боль, потому что это понятнее и легче, – чтобы не оставаться один на один с тоской су- ществования, звездной, дочеловечес- кой, леденящей, когда "пустая Вселен- ная в нас! смотрит мраком глаз". Что же, жизнь человеческая немногим от- личается от бабочки – "из тени в тень перелетая", от мелких ежеминутных уловок человеческого обихода и в аб- солютное, смертельное безмолвие ле- дяных пустынь, туда, к пределу мира, где "кончается все сущее" – к "послед- ний пристани..."

И это место называ- ется "Долгие крики", и нужно долго- долго кричать, чтобы появился пере- возчик с той стороны – в чёрном кар- басе, неторопливо огребая веслом.

И этот перевозчик, милый и госте- приимный хозяин, конечно – не Харон

вием космоса, которое призраком за- каичания ворвалось в детство, и потом всегда неотступно стояло за спиной, дышало в затылок холодом, и гнало- гнало на Север – к последнему над- мирному Безмолвию с большой буквы.

Самое смешное, что в этой борьбе – исход заранее преддешён. Но победи- тель-то – неизвестен. Более того, по- эт, "обретший речи дар в глухонемой Вселенной", – и оказывается победи- телем.

"Долгие Крики" – рассказ-притча. Притча не потому, что рассказ полон древних общерийских архетипов и символов нелитературного происхож- дения (в этом секрет естественности Казакова). Этот рассказ – притча по замыслу. Сюжет рассказа прост, как и в большинстве других рассказов Каза- кова. Нам интересен не сюжет, а, если можно так выразиться, смысл сюжета. И смысл его – возвращение. Возвра- щение к себе, к своему юношескому переживанию, точнее – к чистоте пе- реживания Природы. Что, по сути, и есть возвращение к Природе.

Эллиписис этого возвращения лежит под знаком Птицы. Как-то раз мель- нувшая в детстве, потом, с годами, она становится целью пути, своего ро- да путеводной звездой и обетованием возвращения.

Пожалуй, нет ни одной индоевро- пейской мифологии, где не встреча- лась бы такая птица: это жар-птица русских сказок, птицы счастья, рай- ские сирини, наконец. Увидел или ус- лышав её голос в детстве, герой тра- тит всю жизнь, чтобы изловить чудную птицу. Таков сюжет этих сказок. Так и в притче Юрия Казакова – только, по- нятно, сложнее.

И эта древняя сказочная птица, предмет особых охотничьих преданий – глухарь! – Случайно ли, в контексте всего уже сказанного? Глухарь... Пти- ца, в которой Любовь и Смерть сли- лись воедино – красное на чёрном: на шелковом, пепельно-чёрном оперении – ярко-красные, почти пунцовые брови и борода. Птица, которая в самозабве- нии, в упоении песней любви, глотит настолько, что её можно брать голыми руками!

Откуда она взялась в этом мире, где царят законы эволюции и борьбы за существование? Да и, право, есть ли она на свете, не сказка ли это? Во всяком случае, дорога к ней пролегла через сказку, через "последнюю при- стань" – к "началу иного мира". А до этого будут "гиблые болота", сравни- мые разве что с "сумрачным лесом", в коем заблудился Дант, "свой путь зем- ной пройдя до середины"; будут во- просы о "праведном пути" и о том, "как мы его утратили..."

В детстве нельзя вернуться с грузом опыта, со змеиным клубком рефлекс- ий и мельчиным жерновом "прокля- тых вопросов" на шею. Нельзя изло- жить жар-птицу с реализмом цирроза печени и прокуренных легки. Поэтому у Юрия Казакова – куда более чем се- рьёзного писателя – возвращение об- растает стилистикой сказочного: "еха- ли мы долго ли, коротко ли, а приеха- ли" к тому самому озеру, у которого "живёт старик со старухой". Они-то и будут милыми хозяевами и помощью в ловле чуди-птицы...

Казаков не совершает той харак- терной ошибки героев сказок, у которых пойманная жар-птица лишается го- лоса, теряет яркость красок – попросту умирает в неволе. Он оставляет нас в оживлении песни и выстрела, в самый момент появления этих "древних красных птиц, ещё молчавших в пред- чувствии любви и смерти".